

УДК 811.162.4+81'271

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Й. Сипко J. Sipko

Прешов, Словакия Prešov, Slovakia

ФРАГМЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ И. В. СТАЛИНА В СЛОВАКИИ

Аннотация. Анализ языкового материала из современных словацких СМИ, в котором встречаются конкретные единицы, связанные с эпохой И. В. Сталина. Данные единицы классифицируются на основе соответствующей иерархии в соответствии с методологией политической лингвистики и лингвокультурологии. Выясняется, что данные единицы «сталинского» фона относительно актуальны.

Ключевые слова: И. В. Сталин; языковая картина; словацкие СМИ; политическая лингвистика; лингвокультурология.

Сведения об авторе: Сипко Йозеф, профессор, доктор, кандидат филологических наук, Философский факультет, Институт русистики, украинистики и славистики.

Место работы: Прешовский университет.

Контактная информация: 08005, Словакия, Прешов, Важечка 14.
e-mail: sipkojoz@unipo.sk.

Код ВАК 10.02.19

J. Sipko

Prešov, Slovakia

FRAGMENTS OF THE LANGUAGE PICTURE OF I. V. STALIN IN SLOVAKIA

Abstract. The analysis is made of language material from the modern Slovak mass media which contain units indicating the epoch of I. V. Stalin. These language units are classified by the author according to the hierarchy and methodology suggested by political linguistics and lingoculturology. The units of Stalin's epoch are rather wide spread.

Key words: I. V. Stalin; language picture; Slovak mass media; political linguistics; lingoculturology.

About the author: Sipko Joseph, Professor, Doctor, Candidate of Philology, Faculty of Philosophy, Institute of the Russian, Ukrainian and Slavic Languages.

Place of employment: University of Presov.

Статья основана на материалах для международной конференции «Психолого-педагогические технологии создания виртуальной образовательной среды для межкультурного взаимодействия» на базе Института психологии ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» (21—23 июня 2013).

Введение. Имена и фамилии известных исторических личностей представляют собой коммуникативные **прецедентные феномены** [Красных 2001] с богатым этнокультурным содержательным фоном. В первую очередь бросается в глаза их повышенная экспрессивная оценочность, подтверждающая тезис о **ценностно-смысловой доминантности языка** [Алефиренко 2010]. Антропонимы, особенно в современной публицистике, являются средством образных, метафорических наименований и экспрессивных **косвенных оценок**, главным образом современных реалий. По нашим наблюдениям, данные языковые единицы часто концентрируют указанные косвенные оценки, что само по себе понятно, ведь ценности (антиценности) создают прежде всего люди. Исходные данные будем комментировать на базе иллюстраций из современных словацких СМИ, в которых упоминается антропоним **Сталин**. На основе собранного нами материала приводим конкретные тематические группы функционирования языковых ассоциаций **сталинской** эпохи в современ-

ной Словакии. Приведенный анализ соответствует методологии **политической лингвистики** [Чудинов 2010] и **лингвокультурологии** [Алефиренко 2010; Воробьев 1997; Маслова 2004; Sipko 2011]. Словацкие примеры даются с переводом на русский язык, сделанным автором статьи.

1. Стalin как прецедент насилия. Stalin становится в словацких СМИ **прецедентным именем** в первую очередь с семантикой **насилия**. Иногда высказываются мнения, в рамках которых его сопоставляют с Гитлером, говорят о нем даже больше. Трезвые наблюдатели пародируют такую историческую оценку **Сталина**: *Naši historici dokázali, že neexistoval žiadny Hitler. To iba Stalin hral dvojúlohu.* — Наша история доказали, что не было никакого Гитлера. Это **Сталин** выступал в двойной роли (Pravda. 3.5.2001).

Все-таки ассоциации с эпохой **сталинских репрессий** в некотором смысле доминируют. В особенности в тех случаях, когда публикуются обзорные материалы об эпохе репрессий в бывшей Чехословакии, которые

This contribution is the result of the projekt implementation: *Establishing a Center of Excellence for Linguaculturology, Translation and Interpreting* supported by the Research and Development Operational Programme by the ERDF.

© Сипко Й., 2013

проходили главным образом в 1948—1953 гг., т. е. еще при жизни И. В. Сталина. В их результате были казнены сотни врагов народа, тысячи их были сосланы в лагеря. По сути дела были совершены такие же преступления, как и в СССР в 1930-х гг. В первую очередь происходила борьба за власть между отдельными группировками среди чехословацких коммунистов, при этом употреблялись те же самые клишированные оценочные **идеологемы** «деревянного языка», которые функционировали долгие годы и в СССР: *A teraz išli súdiť „svojich“, pričom zaslúžilých súdruhov, hrdinov „februárového víťazstva pracujúceho ľudu.“ — A tiež narážali na „svojich“, „zaslužených“ tovarišov, hrdinov „februárovej víťazstvy pracujúceho ľudu.“* — А теперь начинали судить „своих“, *заслуженных товарищей, героеев „февральской победы трудящихся“* (Pravda. 28.2.2011).

Зловещие клише, применение которых предшествовало аресту и суду, в своем большинстве были заимствованы из «советского языка» [Вежбицкая 1996]. Одним из источников таких элементов «советского языка» было описание конфликта между руководством СССР и руководством Югославии во главе с президентом Й. Б. Тито: *Pohon proti národne zmýšľajúcim politikom sa začal po známej roztržke medzi Moskvou a Belehradom v r. 1948. Vtedy dostali nálepku „titovcov“, prívržencov politiky „krvavého psa“ Josipa Broza Tita.* — Преследование национально ориентированных политиков началось после известного раскола между Москвой и Белградом в 1948 году. В то время эти политики получили клеймо „титовцев“, *последователей политики „кровавой собаки“ Йосипа Броза Тита* (Pravda. 8.9.2011).

Таким образом, модель сталинских репрессий в некоторой степени повторилась в Чехословакии. Вначале были репрессированы **бывшие**. Самым известным в этом смысле был процесс над *Миладой Гораковой и др.*, представительницей тогдашней демократической оппозиции, в конце которого были вынесены приговоры с высшей мерой наказания. Однако позже проходили судебные процессы над «**своими**», которые, по версии суда, «**стали**» предателями рабочего класса, агентами империализма, *титовцами*. Целый ряд представителей Коммунистической партии Чехословакии был казнен. Борьба за власть после Второй мировой войны между отдельными лидерами коммунистов закончилась высшей мерой наказания даже для тогдашнего Генерального секретаря Коммунистической партии Чехословакии Р. Сланского. Будущий президент Чехословакии и Генеральный секретарь КПЧ (1969—1989), главный нормали-

затор после подавления Пражской весны в 1968 г. Густав Гусак на одном из таких процессов был приговорен к пожизненному заключению как **буржуазный националист**. В нижеприведенном отрывке содержатся архивные данные о роли **советских советников в процессах над врагами народа, предателями, буржуазными националистами, антисоветчиками**: *V priebehu niekoľkých mesiacov pod vplyvom sovietskych poradcov dostał pripravený proces s touto skupinou antisemitské zameranie. Na jej čelo postavili druhého muža v strane Rudolfa Slánskeho a ďalších vedúcich komunistov židovského pôvodu. Súviselo to so zmenou sovietskej politiky vo vzťahu k arabským krajinám. Bolo sa treba vrátnať s predchádzajúcou podporou Izraela, keď Československo patrilo k najväčším dodávateľom zbraní pre židovský štát. Proces so Slánskym znamenal odsúdenie tejto minulosťi.* — В течение нескольких месяцев под руководством **советских советников** подготовленный процесс над этой группой получил антисемитское направление. Во главе группы стоял второй человек в партии, **Рудольф Слански**, с другими ведущими коммунистами еврейского происхождения. Это было связано с изменением курса в **советской политике** относительно арабских стран. Необходимо было отойти от недавней поддержки Израиля, когда Чехословакия была одним из главных поставщиков оружия еврейскому государству. Процесс со **Сланским** обозначал осуждение этой произраильской политики (Pravda. 3.6. 2009).

2. СТАЛИН В СОВРЕМЕННОЙ СЛОВАЦКОЙ ПОЛИТИКЕ. Прецедентное имя **Сталин** актуализируется также в связи с отрицательными явлениями современной словацкой политики. Противники бывшего словацкого премьер-министра В. Мечьяра (1994—1998) некоторые его политические действия сопоставляли с политикой И. В. Сталина. Так это было в случае, когда В. Мечьяр предложил переселить словацких венгров в Венгрию, а венгерских словаков в Словакию, что могло вызывать ассоциации с этническими переселениями в эпоху Сталина: *Sám Josif Vissarionovič by aj z mŕtvych vstal, keby vedel, aké je príťažlivé jeho učenie pod Tatrami.* — Сам **Иосиф Висарионович воскрес бы из мертвых**, когда бы узнал о привлекательности своего учения под Татрами (Pravda. 8.9.1997).

Критика в адрес словацких «патриотов» со стороны словацких «демократов-западников» усиливается также **сталинским лингвокультурным фоном**. Конфликт относительно географических названий в учебниках, предназначенных для словацких венг-

ров, вызвал реминисценцию с батюшкой Сталиным: *Ak by boli naši vládni nacionalisti, „inžinieri ľudských duší“, ako by ich pochvalne nazval bátuška Stalin... — Если бы наши правительственные националисты, „инженеры душ человеческих“, как похвально отозвался бы о них батюшка Сталин...* (Sme. 22.12.2008).

В Словакии отзыается эхом стрельба на нашей государственной границе с Австрией в период до 1989 г., в результате которой погибло много наших граждан, хотевших нелегально эмигрировать на Запад. В наше время проходят судебные разбирательства в связи с этими преступлениями, ведутся поиски настоящих виновников: *Tu najvyššiu zodpovednosť nesú špičky strany, velitelia PS a „politručí“, ktorí radovým vojakom premývali mozgy. — Высшую меру ответственности несут представители партийной верхушки, командиры погранвойск и политруки, которые рядовым солдатам промывали мозги* (Sme. 9.6.2006).

Такие **лингвокультурные** [Воробьев 1997], как *год великого перелома, головокружение от успехов* и другие, фиксируют в истории СССР в первую очередь период коллективизации, сопровождавшейся огромными жертвами. Языковым **эвфемизмом** насилия данного периода стало слово **раскулачивание**, которым прикрывались трагические результаты борьбы против богатых слоев в деревне, против **классовых врагов**, против **врагов народа**. Слово **раскулачивание** также употреблялось в 1950-х гг., в период словацкой коллективизации. Один из современных призывов требует наказать, раскулачить инициаторов словацкой коллективизации: *Rozkuláčte tú bandu! — Раскулачьте эту банду!* (Sme. 21.7.2008).

Ассоциации с эпохой репрессий, с чекистами, с другими органами безопасности и с разными мафиозными структурами вызвали появление в словацкой прессе также некоторых политических реалий эпохи президента В. Путина: *Ruská opozícia vidí v Putinovi diktátora a v jeho forme vlády čekistickú juntu. Ide o spojenie kagebákov a mafiánov. — Российская оппозиция видит в Путине диктатора, а в форме его правления чекистскую хунту. Речь идет о связи кагэбистов и мафиози* (Sme. 22.3.2008).

Переоценки всего советского периода делаются с разных политических позиций. Это способствует тому, что одна форма политики опять сменяет другую, причем серьезные историки остаются в тени. В комментарии к резолюции, принятой в Евросоюзе и осуждающей коммунизм, приводятся в качестве оценочных единиц соответствующие

языковые советизмы: *Nejestvuje znárodnenie bez nespravodlivosti, ani kolekivizácia bez násilia. Komunistické verchušky 70. a 80. rokov si mohli dovoliť relativnu mäkkosť aj preto, lebo ich predchadcovia vykonali všetku mäsiarčinu za nich. — Не существует ни национализации без несправедливости, ни коллективизации без насилия. Коммунистические верхушки в 70-е и 80-е годы могли себе позволить относительную мягкость и потому, что их предшественники провели всю мясорубку и за них* (Sme. 26.1. 2006).

Пугалом в современной политической борьбе является исторический советизм большевик и его дериваты. Представители правых политических сил употребляют эти единицы в целях бескомпромиссной критики левых сил. Особенно часто с помощью этих эпитетов характеризуют словацкого премьера (в 2006—2010 гг., затем с 2012 г. по настоящее время) Р. Фица, его партию «Smer (Направление) — социальная демократия» и его правительство: *Predstava Smeru, že nejaký politický názor stranu opravňuje, aby zrušila platný stav, je predstavou bol'sevickou v kryštálicky čistej podobe. — Представления партии „Смер“ о том, что какой-нибудь политический взгляд позволяет ей отменить действующее политическое положение, является представлением большевистским в самом кристальном виде* (Sme. 26.1. 2006).

В данном случае встречаемся с парадоксом, поскольку о большевистской угрозе пишет бывший редактор главного печатного органа Коммунистической партии Словакии «Правда», сам большевик, который перешел в правую газету...

Еще с 1929 г. среди историко-политических реалий нашей страны появилось слово **большевизация**, которое, наряду со словами той же морфологической и культурологической модели **коллективизация**, **электрификация**, **национализация**, стало в «деревянном», « тоталитарном» языке [Вежбицкая 1996] идеологемой с конкретными смысловыми трансформациями. В социалистическую эпоху в официальном контексте данная идеологема воспринималась как обозначение положительного процесса в Коммунистической партии Чехословакии, в результате которого КПЧ стала «настоящей революционной партией». В постсоветское время лексема **большевизация** становится символом недемократических практик в политических реалиях нашей эпохи. Конфликт между бывшим лидером Партии венгерской коалиции Б. Бугаром и его преемником П. Чаки назван **большевизацией**, в которой обвиня-

ется последний: *Nechcú asistovať bol'shevizácií.* — Не хотят поддерживать большевицизацию (Sme. 23.4.2009), т. е. политику П. Чаки.

3. Сталин в современном мире. Бывший эфиопский диктатор Менгисту за свои преступления был приговорен к пожизненному заключению. К словацкому читателю его приближают именно посредством прецедентного имени Стalin: *Mengistu, známy tiež ako africký Stalin, je vinný z genocídy a nariadenia vrážd desiatok tisíc ľudí.* — Менгисту, известный также как африканский Стalin, виновен в геноциде и в убийстве десятков тысяч людей (Sme. 12.1.2007).

В связи с многообразными оценками политики В. В. Путина в российской прессе для его критики использовались также ассоциации с действиями И. В. Сталина, впоследствии ставшими прецедентными именами. Аналогичную оценку использовал словацкий журналист, поставив И. В. Сталина в один ряд с Иваном Грозным: *Stalin a Ivan Hrozný vzali na seba krv tým, že zbabili hriechu opričníkov.* — Стalin и Иван Грозный взяли на себя кровь тем, что избавили от грехов опричников (Sme. 1.3.2008).

Сталин как представитель политики с позиции силы актуален при описании современных вооруженных столкновений. Российско-грузинский конфликт в августе 2008 г. и его завершение в антироссийских СМИ стали толчком для критики политики России. «Мягкая» позиция стран Евросоюза по отношению к России вызвала ассоциацию с известным историческим эпизодом, когда И. В. Сталина предупреждали о неодобрительном отношении Папы Римского к некоторым советским политическим мероприятиям. Реплика И. В. Сталина была многозначительной: «Сколько дивизий у Папы Римского?» В рамках данного сопоставления Папа Римский находится в том же положении, что и Евросоюз после российско-грузинского конфликта — и папа, и ЕС бессильны: *Koľko divízí má EÚ?* — Сколько дивизий у Евросоюза? (Sme. 30.8.2008).

Словацкие журналисты делают репортажи также о современных фрагментах языковой картины Сталина в России и Грузии. В одном репортаже журналист пишет о родном городе И. В. Сталина Гори и сообщает много сведений о гордости местных жителей за своего земляка. Автор напоминает и один из его псевдонимов: *V Stalinovom meste. Koba je viditeľne veselší.* — В городе Сталина. Коба, очевидно, более веселый (Sme. 3.4.2009).

4. Другие прецедентные имена сталинской эпохи. Тридцатые годы XX в. вписались в историю России и трудовыми подви-

гами. Самым выдающимся языковым прецедентом этого феномена является шахтер Стаханов, который многократно перевыполнял нормы добычи угля. Стахановское движение в целях комизма и иронии время от времени вспоминается и в Словакии. В вечерних новостях 12 сентября 2007 г. на первом канале словацкого телевидения (STV-1) сообщалось о том, что губернатор Ульяновской области этот день объявил выходным, чтобы через девять месяцев, 12 июня 2008 г., в День независимости, родилось как можно больше малышей. Словацкий телеведущий это комментировал следующими словами: *Očakávajú sa stachanovské výsledky.* — Ожидаются стахановские результаты.

Кстати, газета «Комсомольская правда» проинформировала об этих результатах под заголовком *Губернатор нас домой отправил — в стране рожаемость поправил!* В данной статье написано: 12 июня в Ульяновске наблюдался настоящий беби-бум. В обычный день у нас в регионе на свет появляются около 40 малышей. А **12 июня родились 87: 44 девочки и 43 мальчика** (Комсомольская правда. 17.6.2008).

Так что словацкий телеведущий был прав, когда ожидал стахановские результаты.

Трагическим лингвокультурным феноменом России является Павлик Морозов, которого убили отец с дядей в годы коллективизации за то, что он показал советским властям, где его родные прячут зерно. Советская идеология сделала из пионера Павлика Морозова икону, которой должны были подражать представители подрастающего поколения. Известен он и за рубежом: *Trinásťročný už zistil, že okrem Pavlíka Morozova existujú aj iní hrdinovia.* — Тринадцатилетние уже поняли, что кроме Павлика Морозова существуют также другие герои (Sme. 7.8.2009).

На наш взгляд, интересным лингвокультурным феноменом является этнокультурный русисм [Сипко 2008] коктейль Молотова — название особого рода самодельной взрывчатки, находящейся в бутылке. Данное выражение известно еще с довоенных и военных времен, когда его применяли в первую очередь антифашисты. В наше время оно употребляется в ситуациях, которые не соответствуют первоначальному предназначению коктейля Молотова. Интерес вызывает и то обстоятельство, что В. Молотов был долгие годы вторым лицом Советского государства после И. В. Сталина. Убийство цыганской семьи в Венгрии на расовой основе было совершено именно

этим оружием: *Išlo o útok tzv. Molotovovým koktailem.* — Речь идет об атаке посредством так называемых **коктейлей Молотова** (Týždeň. 2009.7).

Оказывается, что в Венгрии любят **коктейли Молотова**. В августе 2009 г. произошло очередное обострение политических отношений между Венгрией и Словакией. Президент Венгрии собирался открыть памятник основателю венгерской государственности *Святому Степану* в словацком городе Комарно, но организаторы на это мероприятие не пригласили ни одного официального представителя Словакии. Это со словацкой стороны посчитали провокацией, тем более что аналогичный памятник *Кириллу и Мефодию* находится на балконе одного здания в том же городе, власти которого (представители словацких венгров) не намерены найти этому памятнику достойное место. В этой атмосфере правительство Словакии объявило президенту Венгрии, чтобы тот не приезжал в Словакию. Президент Венгрии вернулся с государственной границы обратно, но через пару дней СМИ распространили информацию: *Na Veľvyslanectvo Slovenska v Maďarsku niekto hodil Molotovove koktaile.* — В посольство Словакии в Венгрии кто-то бросил **коктейли Молотова** (Р. 23.8.2009).

Известным персонажем сталинской эпохи был ботаник *Мичурин*, которого советская пропаганда величала гением. В словацких школах еще в 1950-х гг. были **мичуринские сады**, в которых работали школьники, молодые **мичуринцы**. В следующем словацком анекдоте отражаются годы оккупации Чехословакии после 1968 г. В некотором смысле существовало «сотрудничество» словацких цыган и советских солдат. Первые в сознании словацких жителей создают картину лентяев и воров, которые крадут все, что удастся. Эта картина не изменилась и в начале третьего тысячелетия. «Наш» цыган воровал еще в советскую эпоху. Анекдоты на данную тему очень распространены:

Cigán ukradol melón. Nedáleko zbadal sovietskych vojakov, ktorí mali cvičenie. Cigán sa naťkal a schoval sa aj s melónom na čerešni. Jeden zo sovietskych vojakov prišiel pod strom, dostał chut' na čerešne a začal triať. Na hlavu mu upadol melón. Veľmi ho to rozčúlilo a zahrešil:

— Poondatý *Mičurin!*

Цыган украл арбуз. Неподалеку увидел **советских солдат**, у которых были учения. Цыган испугался и спрятался с арбузом в ветвях черешни. Один из **советских солдат** подошел под дерево и захотел поесть черешен. Начал трясти. На голову

ему упал арбуз. Он очень рассердился и закричал:

— Вот чертовский *Мичурин!* (Kocurkovo. 2009.6).

5. Военные ассоциации. С военных лет живы в памяти до наших дней русские надписи «Проехено, мин нет». Эти слова актуализируются в тех регионах Словакии, где живет много цыган. Соседство с ними связано с горьким опытом, поскольку они часто воруют, в особенности славятся воровством картошки. Летом и осенью словацкие СМИ, в том числе и телевизионные, передают много сообщений и репортажей об этой их «деятельности»: *Tabuľka na zemiakovom poli na Spiši: „Preverené, zemiakov niet!“.* — Табличка на картофельном поле в регионе Спиш: „**Проверено, картошки нет!**“ (Kocurkovo. 2007.17).

Многие выражения в русском языке из военных времен, по сути дела, непереводимы, поскольку обозначают специфические реалии военных лет. Нас заинтересовали переводы таких реалий в четырехсерийном телефильме «Брежнев» на словацком телевидении. В одном эпизоде любовница предлагает Брежневу стать его женой. Тот возражает, что у него уже есть жена, семья и прочее. На это обиженная женщина произносит упрек в форме перевода известной аббревиатуры «военно-полевая жена»: *Ja som iba tvoja vojnová žena* (буквально **военная жена**). — **Видимо, я только твоя ВПЖ** (STV1. 29.11.2010).

В первую очередь в эпоху перестройки и гласности открыто стали говорить и писать о том, что победители, т. е. советские ветераны Великой Отечественной войны, живут хуже, чем побежденные немцы. Данный мотив повторяется эхом и в наши дни. В следующем контексте имеется в виду Дуклянский перевал на северо-востоке Словакии, где осенью 1944 г. проходили самые ожесточенные бои на территории бывшей Чехословакии. Сегодня могилы немцев находятся в очень хорошем состоянии:

Dvaja vojnoví veteráni, ktorí bojovali proti sebe, sa zišli v Duklianskom priesmyku v mieste neľútostných bojov.

— Je to smutné, — pokyvuje hlavou **ten z východu.**

— Prečo? Zvíťazili ste a došli ste až do Berlína.

— Moment. Ja vás hovorím o tom, že vy, ako porazení, ste sem prišli v mercedese, a ja ako víťaz, som sem prišiel pešo!

Двое ветеранов войны, которые воевали друг против друга, встретились на Дуклянском перевале на месте ожесточенных боев.

— Все это грустно, — задумчиво говорят **ветеран с востока**.

— Почему? Вы ведь победили и дошли до Берлина.

— Подождите. Я говорю о том, что вы, как побежденные, приехали сюда на морседесе, а я, как победитель, — пришел пешком! (Kocurkovo. 2005.8).

6. Сталин и юмор. О *Сталине* известно, что ему не было чуждо и чувство юмора. Естественно, о *Сталине* тоже ходили анекдоты, но их смысловым фоном было все-таки насилие:

— Súdruh Stalin, čo hovoríte na vtipy o vás?

— Nič nehovorím, ja ich zbieran.

— Ako kolo ich už máte?

— Asi dva gulagy.

— Товарищ *Сталин*, что скажете об анекдотах про вас?

— Ничего не скажу, я их собираю.

— А сколько их у вас?

— Приблизительно на два ГУЛАГа (Život. 2009.4.6).

Сталинские ассоциации, связанные с репрессиями, продолжают бытовать в сознании жителей Словакии, поскольку после того, как в 1948 г. власть в свои руки взяли коммунисты, начались, как показано выше, аналогичные репрессии в нашей стране. В Министерстве внутренних дел работали советские специалисты, которые часто играли немаловажную роль в организации чехословацких судебных процессов 1950-х гг.:

— Ako to bývalo v ZSSR pred rokom 1989?

— Polovica ľudí stala v rade na tovar a druhá polovica sedela v base.

— Как жили люди в СССР до 1989 года?

— Половина из них стояла в очередях за товарами, а вторая половина сидела в тюрьме (Kocurkovo. 2006.6).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Языковая картина конкретной эпохи [Колшанский 2006] создается, кроме всего прочего, на базе языковых единиц, которые стали **прецедентными текстами** [Караулов 2002]. Важной составной частью указанной языковой картины являются антропонимы. По отношению к фамилии *Сталин* доминируют ассоциации с насилием, которое в словацкой среде представлено реальными историческими событиями. По-

скольку данное исследование основано на современных словацких СМИ разной направленности («Pravda» — левая газета, «Sme» — правая газета, «Kocurkovo» — юмористический ежемесячник, «Týždeň» — правый политический еженедельник, «Život» — популярный еженедельник), то указанные фрагменты языковой картины *Сталина* в Словакии можно считать **объективными**. Особый интерес вызывают те языковые единицы, которые становятся **средством критики** современных, главным образом левых, политиков. Особым феноменом в словацких СМИ являются **этнокультурные русизмы** в многообразной оценочной позиции.

Таким образом, антропоним *Сталин* и связанные с ним языковые ассоциации [Караулов 2002] в современных словацких СМИ представляют примерно ту же картину, что и в современной России, ср.:

СТАЛИН: вождь, Ленин, усы, диктатор, Берия, Брежнев, война, деспот, культ личности, репрессии, тиран, гад, генералиссимус, грузин, дьявол, Жуков, лагерь, расстрел, Хрущев [Караулов 2002].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. — М. : Флинта : Наука, 2010.
2. Вежбицкая А. Язык. Познание. Культура. — М. : Русские словари, 1996.
3. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. — М., 1997.
4. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь. Т. I. От стимула к реакциям. Т. II. От реакции к стимулам. — М. : ACT : Астрель, 2002.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М. : Наука, 1987.
6. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и в языке. — М. : КомКнига, 2006.
7. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. — М. : Гнозис, 2001.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М. : Academia, 2004.
9. Сипко Й. В поисках истинного смысла = Hľadanie ozajstného zmyslu. — Prešov : FF PU, 2008.
10. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2010.
11. Sipko J. Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokulturologie. — Prešov : FF PU, 2011.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, проф. Л. Цонева